

Д. А. Ефремов (Ижевск)

**О случаях согласования удмуртского прилагательного
с определяемым словом в числе**

0. Имена прилагательные в удмуртском языке “как правило... не согласуются с определяемыми существительными, а примыкают к ним” [ГСУЯ 1962: 128]; но иногда встречаются и случаи конгруэнции, что и является предметом нашего исследования.

Ф. Й. Видеманн в своей удмуртской грамматике отмечает суффикс множественного числа имен прилагательных *-es'*, который употребляется при выполнении прилагательными предикативной функции: *wit'ez sojosles' wal wiz'mojes'*, *wit'ez nosch nodtemes'* ‘пятеро из них были умными, пятеро же несообразительными’; в его коми грамматике выявлен также омонимичный аффикс *-es'*, образующий прилагательные от имен существительных: *luoes'* ‘песчаный’ [Wiedemann 1851: 41; 1884: 62]. Ученым также зафиксированы некоторые случаи несогласования между существительным, стоящим во множественном числе, и прилагательным в функции сказуемого, выступающим в данном случае без выше-

упомянутого аффикса *-es'*, т. е. в единственном числе: *solen kyljossyz mil'am van'myly paidajo* 'его слова для нас всех полезны' [Wiedemann 1884: 238; 1851: 268], что в дальнейшем отмечалось лишь некоторыми из исследователей (см.: [Шутов 1987: 123; Saarinen 1999–2000: 122]).

Т. Г. Аминофф указал на способность предикативных прилагательных сочетаться с аффиксом *-es'* только лишь в Им. п.: *gondyrlen piosyz bad'z'ynes'* 'детеныши медведя большие'; автором также выявлена сочетаемость данного суффикса множественности с компаративным аффиксом прилагательных: *sojos bad'z'ymgeses'* 'они побольше' [Aminoff 1896: 29].

В дальнейшем исследователи отмечали возможность согласования прилагательных и в адъективной функции: *badžymesь коркаос* 'большие дома' [Главатских 1933: 54], упоминая при этом об отсутствии таковой способности в косвенных падежах [Жуйков 1933: 67; и др.].

Случаи конгруэнции определения с определяемым словом зафиксированы А. А. Поздеевой и при других обстоятельствах: "Висясь суффиксэн прилагательнойёс, трос лыдын существительноез валэктыкузы, верамын луо *-осыз (-ёсыз)* суффиксэн"⁶⁹: *лызьёсыз карандашъёс* 'именно синие карандаши'; данный аффикс состоит из показателя множественного числа имен существительных *-ос* и аффикса *-эз (-ез, -ыз)*, который, по словам исследователя, используется при выделении признака предмета, означаемого основой прилагательного [Поздеева 1949: 104; 1938: 55]. В данном случае наблюдается полная конгруэнция, т. е. согласование и в числе, и в падеже (см. также: [ГСУЯ 1962: 128–129; Захаров 1973: 107; и др.]).

В. М. Вахрушевым отмечено явление интересного характера, при котором, прилагательные с суффиксом множественности *-эсь (-есь)* "могут употребляться с формой множественного числа имен существительных (*-ёс*) плюс выделительный аффикс *-ыз*" : *умоесь нылъёс* 'хорошие девушки' – *умоесьёсыныз нылъёсын* '(именно) с хорошими девушками' [Вахрушев 1980: 164]; иными словами в одной словоформе присутствуют сразу два показателя множественного числа.

⁶⁹ 'Прилагательные с выделительным суффиксом, выступая при существительных во множественном числе, приобретают суффикс *-осыз (-ёсыз)*'.

В работе С. Сааринен [Saarinen 1999–2000], в которой данная тема рассматривается в сопоставлении с коми языком, основательно анализируются все случаи использования аффикса *-es'*: и в качестве отыменного деривационного суффикса, и в роли форманта множественного числа прилагательных как в адъективной, так и в предикативной функции. Случаи согласования прилагательного в определительной функции с соотносительным словом в числе, как отмечает автор, являются довольно употребительными, хотя, в грамматиках данное явление относят к редко встречающимся. Как одной из возможных причин увеличения подобных случаев конгруэнции автор видит во влиянии русского языка.

1. В финно-угорском языке-основе определение с определяемым не согласовалось ни в числе, ни в падеже, а присоединялось к нему способом примыкания [ОФУЯ 1974: 384; Hajdú 1981: 167]. Из современных финно-угорских языков конгруэнция в большей степени наличествует в прибалтийско-финских языках [ОФУЯ 1974: 384, 387]. Возникновение конгруэнции в этих языках объясняется по-разному: к примеру, в финском, по мнению одних исследователей, согласование возникло под влиянием контактирующих с ним языков, а по мнению других – исходя из процессов развития самого финского языка [Ravila 1960; Papp 1962]. Следует отметить существование и противоположной точки зрения, по которой “согласование на уровне формы слова, представленное в современных финно-угорских и самодийских языках уподоблением определения форме определяемого как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к последнему, унаследовано от прауральского языка” [Андуганов 1986: 267]. При развитии процесса от инконгруэнции к конгруэнции (либо наоборот) в современных финно-угорских языках имеется согласование определения с определяемым в той или иной степени, в частности и в удмуртском языке. В нашем исследовании делается попытка по возможности максимально выявить и рассмотреть все случаи согласования и несогласования в числе имен прилагательных в адъективной и предикативной функции с определяемым словом, а также чем это обусловлено в тех или иных случаях. Для этого нами был собран методом сплошной выборки материал из 5 художественных произведений удмуртской литературы (см. условные сокращения). Полученные нами результаты отображены в таблице 1.

1.1. На основании анализа данных, отображенных в таблице 1, можно прийти к следующим выводам:

1) подавляющее количество примеров (80,6 %) относится к случаям инконгруэнции определения с определяемым в числе, что сохранилось от древнего финно-угорского языка-основы;

2) конгруэнция в числе между прилагательным и определяемым словом наличествует как в сочетании с суффиксом *-эсь* (*-есь*), так и с аффиксом *-ыз*, правда последний употребляется очень редко (1,1 %);

3) иногда всё-же встречаются случаи несогласования прилагательного в предикативной функции с подлежащим, хотя данное явление почти не отмечается в работах исследователей.

Таблица 1

№	Конгруэнция и инконгруэнция прилагательного с определяемым словом в числе	Произведения					ВСЕГО
		Сз.	Шп.	Г.	Тк.	Ш.	
1.	Несогласование прилагательного в адъективной функции:	99	132	137	102	124	594 (80,6 %)
2.	Несогласование прилагательного в предикативной функции:	6	7	5	—	1	19 (2,6 %)
3.	Согласование прилагательного в сочетании с афф. <i>-эсь</i> (<i>-есь</i>):	37	21	21	10	27	116 (15,7 %)
	а) в адъективной функции:	13	8	15	—	8	
	б) в предикативной функции:	24	13	6	10	19	
4.	Согласование прилагательного в сочетании с афф. <i>-ыз</i> :	5	1	1	—	1	8 (1,1 %)
	а) в адъективной функции:	5	1	1	—	1	
	б) в предикативной функции:	—	—	—	—	—	
ИТОГО						737 (100 %)	

2. Как уже отмечалось ранее, и что также подтверждается данными таблицы 1, определение с определяемым в удмуртском языке в преобладающем большинстве случаев не согласуется ни в числе, ни в падеже:

Но тани отчы золос шöмаськем егит механизаторъёссы — кык люконтэм эиъёс — Владыкин Петяен Тронин Миша вуизы (Тк. 29). 'Но вот туда пришли довольно подвыпившие молодые механизаторы — два неразлучных друга — Владыкин Петя и Тронин Миша'; *Визьмо адямнос тодо тае — ачим кадь шузиослы ги-*

из ватэктійськэ мон (Ш. 86). 'Умные люди это знают — я объясняю только таким, как я, глупым'.

Данное явление присуще большинству финно-угорских языков (см.: [Майтинская 1960: 201; СКЯ 1955: 158–159; Пенгитов 1958: 67; ГМЯ 1980: 229; Ромбандеева, Вахрушева 1984: 68; и др.]) и всем самодийским [Терещенко 1973: 39, 62]; подобные случаи являются неотъемлемой частью тюркских языков [Закиев 1995: 208; МГСЧЯ 1957: 104; ГКЛЯ 1987: 157; и др.], а также отмечаются исследователями в дагурском [Годаева 1986: 50, 52] и нанайском [Аврорин 1959: 213] языках, относящихся к монгольской и тунгусо-маньчжурской языковым семьям соответственно.

3. Прилагательные с аффиксом множественного числа *-эсь* (*-есь*) встречаются, как и фиксируется в работах исследователей, довольно часто. В большинстве работ [ГСУЯ 1962: 128; Поздеева 1938: 58; УК 1978: 66; и др.] указывается (1) факультативность присоединения суффикса *-эсь* (*-есь*) к прилагательным в адъективной функции и (2) обязательная маркированность им в предикативной функции:

1) *Бадзымесь тэльёс, шуньит турьин кабангёс соосыз сюл-маськись анай-атай сямен уттызы* (Г. 72). 'Большие леса, теплые стога сена оберегали их как заботливые родители': *Вылаз ик Кион Оле мыным умойтэм цворьёс вераз: куд-ог муртгёс монъ пыдылам поттыны матало, дэя* (Шп. 56). 'К тому же Кион Оле сообщил мне нехорошие вести: некоторые лица, оказывается, хотят меня по миру пустить': *Зеч ужьёссы поина пшалгёсты жишо огтол ушгяса, Иван соосын люкиськиз...* (Тк. 36) 'Еще раз похвалив детей за их хорошие дела, Иван расстался с ними...'

Из других финно-угорских языков, за исключением прибалтийско-финских, редкостные возможности согласования определения-прилагательного с определяемым проявляются в коми [СКЯ 1955: 165], венгерском [Майтинская 1960: 207], мордовских [ГМЯ 1980: 229], марийском [Андуганов 1986: 265], но во всех этих случаях только лишь в качестве обособленного и/или постпозитивного определения; конгруэнция данного типа присуща самодийским языкам в большей степени [Терещенко 1973: 40, 50, 58];

2) имя прилагательное, оформленное аффиксом *-эсь* (*-есь*) в предикативной функции, выступает в качестве составного именного сказуемого:

Ма, кематась ик өвөл, со мукетсэ по вераз на вал: поку эи оскы, пе, кышномуртъёслы – соос кескичесь (Ш. 56). 'Да, недавно еще, он и другое сказал было; никогда не верь, говорит, женщинам – они хитрые'; *Та аспортмлыко штани (модая, пе, вуремын) пыдъёслэсь кыче думзэс ватэ (тае матась модельертэи кукъёсыз кырыжесь вал, дыр)...* (Ш. 95) 'Эти своеобразные штаны (согласно моде, якобы, сшты) скрывают вид ног (у модельера, придумавшего их, ноги, наверно, были кривыми)...

Прилагательные в функции сказуемого сочетаются с подлежащим в числе во многих финно-угорских языках: в прибалтийско-финских [ОФУЯ 1974: 384], в коми [СКЯ 1955: 159], в венгерском [Майтинская 1960: 151, 153], в обско-угорских [Лыскова 1986: 134], а также и в самодийских языках [Терещенко 1973: 64].

3.1. Имени прилагательному в функции сказуемого в удмуртском языке присущи порой случаи (хотя и редкостные) инконгруэнции с подлежащим в числе, что, как уже указывалось нами ранее, в трудах исследователей фиксируется очень редко:

Тодьыос сярэсь вераськон дзылыку, со малы ке малта вал, соостэн ватьёссы но, дйськутсы но, изыыоссы но тодьы шудыса (Шп. 99). 'При разговоре о белых она почему-то полагала, что у них и лошади, и одежда, и шапки белые (букв. белый)'; *Чебересь ситъёсыз лек луизы* (Г. 52). '[Его] красивые глаза стали злыми (букв. злой)'; *Шудйсьёс пала вуэмъяз Петырэн бамъёсыз шодскымон пöсь луо, сюлдыз тэтча* (Шп. 30). 'По мере приближения к играющим, щеки Петыра становятся заметно красными (букв. горячий), сердце стучит'.

Интересным, на наш взгляд, является то, когда в коми языке "имеются случаи необязательного согласования в числе прилагательного в функции сказуемого. Это обычно бывает при существительных, обозначающих пару одинаковых предметов, относящихся к частям человеческого тела, или когда не обращено внимания на каждый отдельно взятый предмет" [СКЯ 1955: 165]; хотя отдельными исследователями отмечается, что подобная "инконгруэнция достаточно часто проявляется, если сказуемым является прилагательное, адъективированное причастие, наречие..." [Цыпанов 2000: 266–267]. Это же можно отметить и в отношении удмуртского языка: например, в вышеприведенных предложениях слова *ситъёсыз* '[его] глаза', *бамъёсыз* '[его] щеки' относятся к частям человеческого тела и, возможно, в силу этого в таких при-

мерах прилагательное выступает в качестве сказуемого в единственном числе, т. е. не согласуется с подлежащим в числе.

3.2. Некоторые исследователи помимо вышерассмотренной функции суффикса *-эсь (-есь)* (показатель множественного числа имен прилагательных) отмечают также и другое значение этого аффикса, к примеру: “*-эсь (-есь)* ставится при прилагательном множественного числа тогда, когда мы усиливаем значение прилагательного” [Жуйков 1933: 70] или (про этот же самый суффикс) “согласование прилагательных-определений с именами существительными в форме множественного числа наблюдается... в тех случаях, когда говорящий или пишущий стремится подчеркнуть выражение соответствующего признака предмета, обратить внимание на этот признак” [ГСУЯ 1962: 128]; иными словами в подобных случаях наблюдается *дейксис* (указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими свойствами [ЛЭС 1990: 128]). При анализе примеров, в частности, приведенных нами ранее в п. 3, улавливается присутствие вышеназванного явления: например прилагательное *бадӓymesь* ‘большие’ могло бы быть использовано (без ущерба для смысла) без форманта множественного числа *-эсь (-есь)*, что и происходит в большинстве случаев (см. п. 2 и таблицу 1), но тогда бы уже невозможно было уловить указательное значение, которое “служит для актуализации компонентов речи” [ЛЭС 1990: 128].

Чебершурын но, музонӓёсаз но гуртӓёсын чебересь, тазаесь егит тиос вань ук (Сз. 102). ‘И в Чебершуре, и в других деревнях есть же красивые, полные здоровья молодые юноши’;

В данном предложении наглядно можно проследить, что указывается, обращается внимание именно на наличие красивых и здоровых юношей, и лишь только потом, как бы на втором плане остается то, что они молодые, т. к. слово *егит* ‘молодой’ не маркировано аффиксом *-эсь (-есь)*. Сравни также:

Шур тупалась ӓег уд выльсь соос кык пичиесь ыжтиосыз адӓизы. Туж мусоесь, чырткемесь ыжтиос! (Сз. 64) ‘На той стороне реки на озимой ржи они увидели двух маленьких овец. Очень милые, резвые ягнята!’

Здесь в первом предложении акцентируется внимание на слове *пичиесь* ‘маленькие’, а потом в следующем – выделяются другие признаки слова *овечки* – то, что они очень милые и резвые. В этом отношении ярким подтверждением наших доводов

является высказывание А. Ф. Шутова [1987: 122] что "...суффикс *-эсь (-есь)* при препозитивном определительном слове бывает необходимым не столько для согласования во множественном числе, сколько для логического выделения определения в стилистическом плане".

4. Согласно данным таблицы 1, случаи согласования прилагательного, маркированного выделительно-указательным суффиксом *-эз (-ез, -ыз)* (в дальнейшем мы будем оперировать лишь вариантом *-ыз*, поскольку два других используются только в единственном числе, что не рассматривается нами в данном исследовании) с определяемым словом в числе встречаются очень редко (лишь 1,1 % от всех случаев):

Илметі уяь пилемгёсыз учке. Бадзымгёсыз но, пичиосыз но пилемгёс вань (Сз. 75). 'Смотрит плывущие по небу облака. И большие, и маленькие облака есть'; *Сур дырлы дасяськыса соос пукон корка люкасько но выль кырзангёс кылало-бурало, вузьгёс-сэ тодазы ваё* (Шп. 97). 'Готовясь к празднованию Покрова, они собираются в доме посиделок и поют новые песни, вспоминают старые (те, которые старые)'.

Сущность данного суффикса кратко и достаточно точно охарактеризовала А. А. Поздеева [1938: 55]: "Прилагательнойёсты *-эз, -ез* кылпумен верано соку, куке предметлэсь со признаковэ висьяса верано луэ" (Прилагательные с окончанием *-эз, -ез* употребляются тогда, когда выделяется признак данного предмета); также еще определения и других исследователей, как "суффикс *-эз...* служит для особого указания, выделения, конкретизации в данной цепи мысли какого-нибудь известного для собеседника предмета (или нескольких предметов) из числа других ему близких или однотипных" [Алатырев 1970: 1] наводят на мысль о том, что в таких примерах присутствует **дейктический** (указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотношения с лицами и предметами [Ахманова 1966: 126]) элемент. Действительно, прилагательные, оформленные аффиксом *-ыз*, не только согласуются с определяемым словом в числе и падеже, но также (по нашему мнению – главным образом) выполняют указательную функцию, при этом подчеркивая и выделяя данный признак определяемого слова из среды однородных. Смотри также:

Черк йылэ тубонлэсь пыкиськись гырлыез усем штыяз ик кельтйзы. Черк йылэ пичиоссэ гырлыосты эсутъязы (Сз. 39). 'Колокол, который "противился подниматься" на макушку цер-

кви, оставили на том же месте, куда он упал. На церковь поднимали маленькие (именно те, которые маленькие) колокола'. В данном примере подчеркивается то, что поднимали только маленькие колокола, отделяя тем самым их от больших (здесь, в частности – большого) колоколов.

Подобного рода явление отмечается исследователями в некоторых родственных языках, к примеру – в мордовских [ГМЯ 1980: 229], а также в языках, принадлежащих к другим языковым семьям – в чувашском [МГСЧЯ 1957: 102–103]. Но следует отметить, что в упомянутых языках речь идет только об обособленных постпозитивных прилагательных, несущих выделительную функцию. Поразительное типологическое сходство наблюдается в нанайском языке, в котором прилагательные, маркированные суффиксом *-дима/-димаэ*, выполняя выделительно-указательную функцию, могут выступать как в постпозиции, так и в препозиции к определяемому слову; также этот аффикс может присоединяться и к существительным с абсолютно аналогичным значением [Аврорин 1959: 211]. В удмуртском языке употребление дейктического суффикса *-ыз* с другими частями речи, в частности и с существительными, подробно проанализировано в труде В. И. Алатырева [1970].

5. В качестве выводов можно отметить следующее:

1) основным средством связи определения с определяемым в современном удмуртском языке является примыкание, при котором, в частности, препозитивное прилагательное не согласуется с соотносимым словом в числе;

2) прилагательные в адъективной функции могут согласоваться с определяемым словом в числе только лишь при наличии дейксиса, т. е. сочетаясь либо с суффиксом *-эсь (-есь)* (при котором происходит логическое выделение признака прилагательного, маркированного данным аффиксом), либо с суффиксом *-ыз* (указание, выделение признака предмета из среды однородных);

3) прилагательное в предикативной функции согласуется с соотносимым словом в числе, маркируясь аффиксом *-эсь (-есь)* (но при этом дейксис не наличествует); следует также указать, что подобная конгруэнция не всегда обязательна, т.е. имеются случаи и инконгруэнции, когда прилагательное в качестве сказуемого не согласуется с определяемым словом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Г. – М. Коновалов. Гаян. Ижевск: Удмуртия, 1990. 385 б.; Сз. – Кедр Митрей. Сёкыт зйбет. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 б.; Тк. –

Г. Первощиков. Тõды куака. Ижевск: Удмуртия, 1994. 328 б.; *Ш.* – С. Матвеев. Шузи. Ижевск: Удмуртия, 1995. 288 б.; *Шп.* – М. Лямин. Шудбур понна. Ижевск: Удмуртия, 1976. 464 б.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. 283 с.

Алатырев В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск, 1970. 75 с.

Андуганов Ю. К истории согласования на уровне формы слова в финно-угорских языках // СФУ. 1984. № 4 (XX). С. 264–268.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энци., 1966. 607 с.

Вахрушев В. М. Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск, 1980. С. 130–168.

ГКЛЯ – Грамматика киргизского литературного языка. Фрунзе: Илим, 1987. Ч. 1: Фонетика и морфология. 402 с.

Главатских А. И. Удмурт грамматика. Иж кар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. Нырисетй люкет: Морфологи. Шор ёзо школаын 5 ар-аз дышетскон книга. 96 б.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980. 431 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка. Для русских средних школ. Ижевск: Удм. гос. изд-во. 1933. 117 с.

Закиев М. З. Татарская грамматика. Казань, 1955. Т. III: Синтаксис. 576 с.

Захаров В. Н. Имя прилагательное в русском и удмуртском языках // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей и материалов. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 103–110.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энци., 1990. 685 с.

Лыскова Н. А. Именное сказуемое в обско-угорском предложении (на материале северных диалектов хантыйского и мансийского языков) // СФУ. 1986. № 2 (XXII). С. 128–137.

Майтшинская К. Е. Венгерский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. III: Синтаксис. 376 с.

МГСЧЯ – Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашск. гос. изд-во, 1957. Ч. I: Морфология. 362 с.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 384 с.

Пенгитов Н. Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1958. Ч. 1: Введение, фонетика, морфология. 176 с.

Поздеева А. А. Удмурт грамматика. Нырысетй локетэз: Фонетика но морфология. Неполной средней но средней школазы учебник. Ижевск: Удмуртской гос. изд-во, 1938. 112 б.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. Нырысетй локетэз: Фонетика но морфология. Семилетней но средней школаослэн 5 но 6 классъёслы учебник. 4-тй изданиеиз. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 207 б.

Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П. Мансийский язык: Учебное пособие для пед. училищ. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение, 1984. 223 с.

СКЯ – Современный коми язык: Учебник для высш. учеб. заведений. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. 312 с.

Тереценко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л.: Наука, 1973. 324 с.

Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 190 с.

УК – Удмурт кыл. 5-6 классъёслы. Огъя редакциез Г. Н. Никольскаялэн. Ижевск: Удмуртия, 1978. 212 б.

Цыпанов Е. К вопросу о числовой координации главных членов предложения в коми языке // *LU. 2000. №4 (XXXVI). С. 261–275.*

Шутов А. Ф. Согласование определений с определяемым словом в пермских языках // *Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей.* Ижевск, 1987. С. 117–124.

Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Julkaissut Y. Wichmann // *JSFOu. 1896. 2 (XIV). S. 1–48.*

Hajdú Péter. Az uráli nyelvészet alapkérdései. Budapest: Tankönyvkiadó, 1981. 202 ol.

Papp István. Zur Frage der Kongruenz des Adjektivattributs im Finnischen // *SUST. 1962. № 125. S. 399–412.*

Ravila, Paavo. Adjektiiviattribuutin kongruenssin syntu suomen kielessä // *Sananjalka. Suomen Kielen Seuran vuosikirja. 1960. № 2. S. 28–35.*

Saarinen, Sirkka. Das permische Adjektivsuffiks *-es' /-es'* // *UAJb. 1999–2000. Band 16. S. 110–128.*

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. XLVI + 390 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St. Petersburg, 1884. XII + 255 S.